

Воображаемое путешествие в страну Советов Жюль Ромена: реальность и литературный вымысел

© 2021 Е.А. Легенькова, Т.С. Тайманова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_7_18

Jules Romain's Travel Fictional Books about the Soviet Country: Reality and Literary Imagination

© 2021 Elizaveta A. Legen'kova, Tatiana S. Taimanova

Информация об авторах:

Елизавета Александровна Легенькова, кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого и романского языков, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Россия. E-mail: kaf_roman@gup.ru
Татьяна Соломоновна Тайманова (1954–2020), доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

Ключевые слова: Жюль Ромен, «Этот великий свет с Востока» (1941), русская революция, Л. Троцкий, литература путешествий, франко-российские литературные связи, образ России, имагология.

Аннотация: В статье рассматривается образ большевистской России, созданный в романах Ж. Ромена «Этот великий свет с Востока» (1941) и «Мир – твоё приключение» (1941) в контексте существующей на тот момент во Франции обширной нефикциональной литературы о советской России (travelogi, публицистика, очерки и т.д.), авторами которой были очевидцы «русского эксперимента» (А.Барбюс, А. Виллис, Л. Дюртен, А. Жид, Р. Роллан и др.). Ромен, создавая свои романы о России, с одной стороны опирается на эту литературу, а с другой – подвергает ее критической ревизии. Изучая разные, часто противоречивые мнения и оценки своих соотечественников, он предлагает собственное художественное и философское осмысление советского социального опыта. Не в меньшей степени Ромена интересует тема

Information about the authors:

Elizaveta A. Legen'kova, PhD., Chair Professor, Department of German and Roman Languages, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Russia. E-mail: kaf_roman@gup.ru

Tatiana S. Taimanova (1954–2020), Doctor of Philology, Professor, Saint-Petersburg State University.

Keywords: Jules Romain, *Cette grande leueur à l'Est* (1941), Russian revolution, L. Trotsky, travel literature, French-Russian literary connections, image of Russia, imagology.

Abstract: The paper is dedicated to the image of the Russian revolution and Bolshevik Russia created in the novels by Jules Romain – *Cette grande leueur à l'Est* (1941) and *Le monde est ton aventure* (1941) in the context of the vast nonfictional literature on Soviet Russia that existed in France (travel books, essays and other documentary writing) by writers and journalists, that were eyewitnesses of the 'Russian experiment' (Henri Barbusse, André Viollis, André Gide, Romain Rolland, Luc Durtain, etc.). On the one hand, Jules Romain's novels about Russia are based on this massive of eyewitness literature; on the other, he critically assessed and revised it. Having considered a wide spectrum of various accounts and contradictory opinions of his fellow-citizens, Romain strives for his own literary and philosophical understanding of the Soviet experience. Romain is interested as well in the European attitudes towards Bolshevism and Soviet Russia, that he himself didn't have a chance to visit. Leon

европейского восприятия большевизма и советской России, которую ему не довелось посетить самому. Приводятся оценки творчества Ромена Л. Троцким. Особое внимание уделяется образу русской литературы, культуры и истории в романах Ромена о Советском Союзе.

Trotsky's assessment of Romain's works are quoted and analysed in the paper. A special attention is paid to the way Russian literature, culture and history are presented in the Romain's novels about the Soviet Union.

Принятые сокращения:

CGLE – Romain J. *Les Hommes de bonne volonté. Tome XIX.*

Cette grande leueur à l'Est. Paris: Flammarion, 1958.

MTA – Romain J. *Les Hommes de bonne volonté. Tome XX.*

Le monde est ton aventure. Paris: Flammarion, 1958.

Метафора Жюль Ромена «этот великий свет с Востока» превратилась в термин, которым охотно пользуются для обозначения восприятия российского постреволюционного опыта на Западе. По словам Жана-Луи Лубе дель Бейля, в нем заключена симпатия Запада к большевизму и русской революции и восприятие советской России как «земли обетованной»¹.

В этом ракурсе изучается паломничество представителей Запада в советскую Россию: не только интеллектуалов (журналистов, писателей, идеологов социализма и коммунизма), но и инженеров, рабочих, а также активистов профсоюзного, феминистского движений. Как мотыльки, привлеченные «великим светом с Востока», они приезжали в Россию и очень часто опалили свои крылышки в ее революционном пламени. Термин «этот великий свет с Востока» настолько прочно укоренился в обиходе исследователей, занимающихся историческими, культурными и литературными связями между Россией и Францией, что можно подумать, что он возник одновременно с проявлением первого интереса западного мира к Октябрьской революции и ее результатам. По сути же, он подводит итог осмыслению на Западе двадцатилетнего опыта строительства «нового общества» в советской России и свидетельствует об утрате иллюзий и крушении надежд. В этом контексте данная метафора приобретает некий привкус иронии или горького сожаления.

Этот термин воспроизводит название одного из романов Жюль Ромена ретроспективного эпического цикла «Люди доброй воли» (1932–1946), в котором философски осмысливается европейская история в период между 1908 и 1933 гг., ее социальные проблемы и проблемы удела человеческого. Оценка

¹ Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle. Des écrivains témoins de leur temps: Jules Romain, Drieu La Rochelle, Aragon, Camus, Bernanos, Malraux.* Paris: Economica, 1999.

воображаемое путешествие в страну советов Жюль Ромена этого гигантского 27-томного романного цикла всегда была неоднозначной: от презрительной его квалификации как собрания газетных вырезок, о чем пишет автор монографии о Ж. Ромене Андре Кюмзень², до рассмотрения его как документального источника для историков, социологов и политологов, изучающих социальную, политическую и идеологическую эволюцию французского и, шире, европейского общества первой половины XX века³. В то же время нельзя обойти вниманием достаточно прозорливую оценку творчества Ж. Ромена Львом Троцким: «Ему как писателю (тем более как политику) не хватает, видимо, **характера**. Он зритель, а не участник». Троцкий ставил в упрек автору отстраненность, которая «у него не только оптическая, а и моральная», и резюмировал: «Его нравственные очки позволяют ему видеть все только на известном, неизменном расстоянии. <...> У участника “distance” меняется в зависимости от характера его участия, у зрителя – нет. Зритель, как Romain, может быть **замечательным** писателем, но не может быть **великим** писателем»⁴. И это при том, что сам Ж. Ромен параллельно с литературной деятельностью в период работы над циклом романов активно занимался политикой, слыл «серым кардиналом» правительственных кругов III Республики, был советником некоторых политических руководителей (например, главы партии радикалов Эдуара Даладье), выполнял за границей от лица французского правительства неофициальные миссии и даже в 1934-м после фашистского путча 6 февраля патронировал группу молодых интеллектуалов и чиновников, разработавших план общей реформы французского общества, известный как «План 9 июля», к которому он написал предисловие⁵. Собственно, упоминание Ж. Ромена в дневнике Л. Троцкого возникает именно в связи с этим документом. Троцкий пишет:

Jules Romains <...> предлагает себя в спасители (Общество 9 июля). В одной из последних книг своей эпопеи Romains выводит, видимо, себя под именем писателя Strigelius'a (кажется, так). Этот S[trigelius] может все то, что умеют другие писатели, а кроме того, еще кое-что сверх того. Но он умеет не только как писатель. Он понял, что «умень» (гений) универсально. Он умеет и в других областях — в частности, в политике — больше, чем другие. Отсюда Общество 9 июля и книга J. R[omain] об отношениях между Францией и Герм[анией].

² Cuisenier A. *Jules Romains et l'unanimité*. Paris: Flammarion, 1935.

³ Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle*, p. 25.

⁴ Троцкий Л. Дневник 1935 года: <http://iskra-research.org/Trotsky/sochineniia/1935/dnevnik-1935.html>. Запись от 21 марта.

⁵ Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle*, p. 28–29.

Несомненно, у этого даровитого писателя закружилась голова. Он много понимает в политике, но скорее зрительно, т. е. поверхностно. Глубокие социальные причины явлений остаются от него скрыты⁶.

Созданная Роменом эпопея – это амбициозный проект, охватывающий разнообразные политические и интеллектуальные течения первой половины XX в. Часто писатель прибегает к художественному воспроизведению событий, прожитых другими людьми, тех, что не входят в его собственный жизненный опыт. Так, Ромен, который в отличие от многих французских писателей своего поколения (Р. Мартен дю Гара, Ж. Дюамеля, Ж.-Р. Блока) не был на полях сражений Первой мировой войны, посвятил ей два тома своей эпопеи: «Прелюдия к Вердену» (*Prélude à Verdun*, 1937) и «Верден» (*Verdun*, 1938). Огюстен Фожель пишет: «Он постоянно действовал и писал против войны <...> он описал Верден <...>. Он создал настоящее свидетельство. И это благодаря его работе в государственных и частных архивах и вчувствованию романиста, позволившим ему напряженно прожить как жизнь простых солдат, так и генералов»⁷.

Приступая к теме европейского восприятия большевизма и путешествия французов в советскую Россию, которую ему не довелось посетить самому, в романах «Этот великий свет с Востока» (*Cette grande lueur à l'Est*, 1941) и «Мир – твоё приключение» (*Le monde est ton aventure*, 1941) романист поступает таким же образом. Если можно описать войну, в которой сам не участвовал, ещё при жизни её непосредственных очевидцев и ветеранов, можно описать и вымышленное путешествие, которое никогда не совершал, – благо, что есть свидетельства настоящих путешественников с их впечатлениями, энтузиазмом и сомнениями по поводу русской революции.

Роман «Этот великий свет с Востока» был опубликован в Нью-Йорке, куда писатель эмигрировал из оккупированной нацистами Франции⁸. К этому времени Запад был уже довольно хорошо осведомлен о том, что произошло в СССР за межвоенный период. Благодаря публикациям в иностранных, эмигрантских и даже социалистических изданиях многие иллюзии рассеялись. Поэтому разоблачения Ромена, «открывавшего глаза» западному читателю на советскую Россию и на разочарование тех, кто симпатизировал ей вначале, запаздывали на десятилетие.

Художественной интерпретации «Этого великого света с Востока» и вымышленному путешествию главных героев романа в Россию 1922 года

⁶ Троцкий Л. Дневник 1935 года. Запись от 21 марта.

⁷ Voegele A. Les deux corps de Jules Romains. Écrire la guerre quand on ne l'a pas faite. *Carnets. Revue électronique d'Etudes françaises de l'APEF*. Deuxième série, novembre 2015, no 5: "Imaginaires de guerre et autres conflits" // https://www.researchgate.net/publication/309543676_Les_deux_corps_de_Jules_Romains_Ecrire_la_guerre_quand_on_ne_l'a_pas_fait. Здесь и далее перевод наш.

⁸ См.: Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle*.

воображаемое путешествие в страну советов жюля ромена предшествовало появлению множества свидетельств и предостережений очевидцев, имевших возможность увидеть собственными глазами последствия Октябрьской революции. Среди них были и те, кто в начале революции искренне в стихийном порыве стремились принять участие в преобразовании общества на основе социальной справедливости, и те, кого советское государство в целях борьбы с экономической разрухой нанимало для внедрения их профессионального опыта в среду неграмотных масс. Были также и организованные путешественники (главным образом, журналисты и писатели), способные, как надеялись советские власти, представить положительный образ СССР и его достижения в строительстве нового общества. Первая волна путешествий иностранцев в СССР падает на годы революции и гражданской войны; затем идут массовые посещения СССР профсоюзными, рабочими, коммунистическими и феминистскими активистами, организованные с пропагандистскими целями, которые достигают кульминации во время празднования десятой годовщины Октябрьской революции⁹.

Таким образом, благодаря этим свидетельствам французы были хорошо информированы. Авторы, сознавая международное значение того исторического события, которое произошло в России, стремились, каждый по-своему, нарисовать свою «маленькую историческую картинку», как писал Жорж Дюамель, который был среди первых французских писателей, посетивших советскую Россию¹⁰. Список гостей, в числе которых были А. Виоллис, Л. Дюртен, А. Фабр-Люс, П. Истрати, А. Барбюс, А. Жид, Р. Роллан и многие другие, достаточно длинен: только между 1917 и 1930 гг. во Франции было уже опубликовано более сотни таких свидетельств¹¹. К ним следует добавить разоблачения Б. Суварина, П. Паскаля, В. Сержа, Ивона, Чилига и др., появлявшиеся в малотиражных газетах и журналах, обычно проходившие мимо внимания широкой публики. Таким образом, у читателя могло сложиться собственное мнение в зависимости от используемых им источников широкого диапазона – от капиталистической прессы, открыто негативная позиция которой претила либералам, таким как Р. Мартен дю Гар и Ж. Дюамель¹², и до коммунистических изданий, зачастую направляемых из Москвы, хвалебный тон которых был не менее лживым.

⁹ Подробное исследование этого паломничества проведено французским историком Софи Кёре: Cœuré S. *La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939)*. Paris: Seuil, 1999.

¹⁰ Dédicace à F. Mauriac sur l'exemplaire de *Voyage de Moscou*. Paris: Mercure de France, 1927. См.: *Correspondance François Mauriac – Georges Duhamel (1919–1966): Le croyant et l'humaniste inquiet*. Paris: Klincksieck, 1997, p. 37.

¹¹ Kupferman F. *Au pays des Soviets: Le voyage français en Union soviétique, 1917–1939*. Paris: Gallimard, 1979.

¹² Roger Martin du Gard — Georges Duhamel, *correspondance 1919–1958*. Paris: Minard, 1987, p. 151.

Жале, один из протагонистов цикла «Люди доброй воли» и иногда выразитель мнения Ж. Ромена, давая свою оценку этим материалам об СССР, подчеркивает их навязчивый и противоречивый характер, не внушающий никакого доверия. Это обилие травелогов дает эффект, похожий на тот, что производят «свидетели в суде, которые, как только они встают за трибуну, настраивают благожелательных заседателей против, и каждое слово которых тут же вызывает желание поверить в истинность противоположных утверждений» (CGLE: 206).

Лоскутное одеяло противоречивых мнений крепко сшито общим представлением Запада о русских. Восприятие революции, Ленина, объективность информации, достигшей Франции, вырождение французского социализма в духе Жореса в коммунизм, действующий «по указке Москвы» (CGLE: 63), великий голод в России – все это входит в ткань роменовского нарратива.

Роман «Этот великий свет с Востока» предваряет описание вымышленного путешествия французов в большевистскую Россию, составляющего сюжет следующего романа цикла «Мир – твоё приключение». Люди разных профессий, социального происхождения, разных национальностей, включая русскую эмиграцию, и различных политических убеждений бесконечно рассуждают на животрепещущую тему своего времени – о России и ее уникальном социальном эксперименте. Этот интерес к России был порожден усилившимся во время Первой мировой войны стремлением к социальной справедливости и к созданию нового мира. Эти искания породили дискуссии, в которых обнаруживается растерянность французов перед новой реальностью и недостаток информации из первых рук. Именно в таких условиях в романе формируется группа людей, целью которых становится увидеть собственными глазами «этот великий свет с Востока».

Великая послевоенная растерянность проявляется в страхе буржуа перед недавно вышедшими из траншей рабочими, которые мечтают об изменении режима. Эти буржуа думают: «Русские парни подали им пример <...> Коммунистическая партия гарантирует, что у нее есть рецепты и расчеты <...> Жорес всегда говорил, что Революция будет бескровной. Но Ленин – парень пожестче» (CGLE: 226). В лагере левых люди, разочарованные деградацией социалистической партии после съезда в Туре, приходят к выводу: «Если энтузиазм и чистота и существуют, так только в Москве» (CGLE: 57). Но лицо революции все они видят сквозь призму знаменитого русского характера. Ромен возвращается к этому неоднократно: «И все-таки это народы не такие, как мы <...> Эти типы с Волги и Урала <...> Что уж говорить, в них есть что-то дикое» (CGLE: 22–23), «русские – это животные» (CGLE 224), «может быть, они и сильные, но сухие, как удары палки... не любят они нас» (CGLE: 226), «это люди Востока» (CGLE: 256).

воображаемое путешествие в страну советов жуля ромена

Особый характер русских объясняет сложности революционного процесса: «У этого народа столько практических недостатков. <...> Они лжецы и воры. Они мухлюют, как только могут. <...> Тут не только большевики виноваты; любой бы оказался в сложном положении, взяв Россию в том состоянии, в котором она была» (CGLE: 163). Некоторые персонажи романа считают, что эта варварская страна не может обойтись без твердой руки и деспотизма (CGLE: 163). Другие же верят в возможность построения нового мира на французский манер и считают, что «все м этим следовало бы заняться Франции» и что «тогда бы это было бы по-другому» благодаря претворенным в жизнь революционным идеям Мишле, Эдгара Кинэ, Гюго (CGLE: 225).

Ромен подхватывает стереотипы, введенные в обиход в Европе со времен Принца де Линя и Астольфа де Кюстина (CGLE: 257). Так, о Генуэзской конференции он пишет: «Все смотрели на русских. Смотрели и удивлялись, что они умеют носить визитку и приветствовать даму, а не щипать ее за мягкое место, и есть в ресторане, сняв картуз и не плюя на пол». Так описывает Генуэзскую конференцию Жале и признается: «Хотя русские из делегации уже не удивляли меня, они еще не начали мне нравиться, а главное – меня обнадеживать. Мне они кажутся то слишком учтивыми, то слишком беспокойными, то наглыми, то очаровательными, то бесцеремонными, то болтливыми, то скрытными и молчаливыми» (CGLE: 142).

Среди персонажей – знатоков новой России есть Лолерк. Он познакомился с Лениным в бытность того в Швейцарии и находит его «довольно-таки пугающим <...> очень самоуверенным», «очень оптимистичным, бессовестным, человеком, для которого политический реализм это <...> обладание высшей проницательностью, позволяющей вам воспользоваться противником в тот момент, когда он думает, что использует вас» (CGLE: 72, 74). Лолерк приводит поступки Ленина и факты из его жизни, которые шокировали Европу: лозунг превратить империалистическую войну в социальную революцию, возвращение в Россию в запломбированном вагоне, слухи о денежной помощи из Германии, пополнение кассы его революционной организации при царском режиме «путем вооруженного грабежа банковских инкассаторов» (CGLE: 74). Такой «ореол дьявольщины», окружающий этого человека действия, смущает тех, кто верит, что «Ленин благороден и чист» и что Россия – «последняя надежда», потому что «если бы там не было СССР, даже со всеми его заблуждениями и иллюзиями, мир <...> казался бы <...> совсем уж безнадежным» (CGLE: 75, 100).

Смысл этой надежды объясняет Жерфаньон перед своим отъездом в Россию:

е.а. легенькова, т.с. тайманова

Она есть у всех, даже у тех, кого русская революция ужасает <...> Тут, на нашем Западе, где не происходит ничего важного, и уж ничего ни возбуждающего, ни решающего, сидя среди наших развалин, усталые и растерянные <...> мы замечаем этот великий свет на Востоке <...> в том, что привлекает нас в этой стране <...> есть идущий издалека вихревой призыв и этот свет. Да, этот великий свет... Возможно, это заря; а может быть, – пожар; но те, кто верит в зарю, как и те, кто верит в пожар, приходят в движение ... (CGLE: 260–261).

Это же он подтверждает при посещении Москвы: «Возможно, они в чем-то не правы и их методы неверны, но они дают надежду и воодушевляют» (CGLE: 238).

Эти поиски смысла продолжаютя в романе «Мир – твоё приключение», в котором Жерфаньон и Жале, каждый своим путем и на свой страх и риск, отправляются в 1922 г. в СССР, с которым у Франции еще не установлены дипломатические отношения и где свирепствует ужаснувший весь западный мир голод.

Во избежание ложной картины Жале отказывается от идеи путешествия, организованного «гидами, предоставленными советскими властями» (CGLE: 143–149), и действует в рамках Нансеновской миссии под предлогом изучения голода на месте.

Ромен ставит своих вымышленных персонажей в условия, в которые были поставлены реальные путешественники. Жале и его попутчик американский журналист Бартлет прибывают в Одессу на корабле. Как и герои настоящих травелогов, персонажи Ромена совершают прогулку по этому южному городу, который напоминает им одновременно и Алжир, и Геную, и Палермо. «Изда- лека Одесса впечатляла бульварами, большими зданиями, прямыми широкими улицами, дворцами. <...> Она выглядела имперски и немного варварски» (МТА: 89). Но «впечатление пустынности отягощалось впечатлением разрухи <...> [и] кладбища» (МТА: 91).

Не будучи ни дельцами, ни «политиками или интеллектуалами, которых можно завоевать сразу же или надеяться завоевать» (МТА: 154), Жале и Бартлет не пользовались расположением со стороны советских властей: один хотел увидеть «бесплатно» то, что скорее «повредило» бы их репутации (МТА: 154), а другой «заявлял о своем праве самостоятельно получить собственное представление и тоже сперва увидеть то, <...> что ему никак не хотели показывать» (МТА: 154). Поэтому ожидание разрешения посетить районы, где свирепствовал голод, было долгим.

Так они оказались «в положении контролируемой свободы» (МТА: 113). На экскурсии по достопримечательностям Одессы их сопровождал гид и еще

воображаемое путешествие в страну советов жоля ромена

один русский, который «слушал <...> и, казалось, часто понимал» (МТА: 131). Позднее девушка из службы по культурным связям с границей поедет с ним в Поволжье. «Милая шпионка, – подумает Жале. – Наверно, каждый вечер она пишет о нас свой отчет» (МТА: 231). Тут вспоминаются отчеты гида Андре Виллис, которая жаловалась начальству на неукротимый характер журналистки, отказывавшейся от навязываемых ей экскурсий и настаивала на посещении объектов, которые могли бы повредить приукрашенному образу советских достижений¹³. Почти все те, кто посещал в действительности СССР, отрицательно отзывались о своих навязчивых и лицемерных гидах.

Главный вопрос, который обсуждают персонажи, – это причины Великого голода. Жители деревни российских немцев, которые «в обычные времена имели более высокий уровень жизни, чем у русского мужика» (МТА: 156), говорят, что «засуха без большевиков не была бы столь великим несчастьем... но <...> большевики и без засухи – это ужасное несчастье» (МТА: 178). Действительно, засуха сыграла свою пагубную роль. Но Ромен подчеркивает, что большевики на местах опираются на «отребье, на несколько сотен лентяев, неумех и пьяниц», образующих комбеды, заправляющие всем в деревнях (МТА: 179). Сегодня отечественные историки стали признавать значение человеческого фактора среди причин голода 1921–1922 гг.¹⁴ Последствия этого разгула комбедов особенно проявились в Поволжье, где, как пишет Ромен, можно было наблюдать следующую картину: «На въезде в некоторые деревни – сотни трупов. <...> Эти трупы настолько бестелесны, что продолжают и дальше усыхать. Они как ломкие мумии. <...> А в сотне шагов оттуда встречались привидения, которые уже были такими же трупами, но еще передвигались» (МТА: 154). В годы Великого голода на Западе с различными целями (благотворительными и пропагандистскими) широко распространялись фотографии и открытки, запечатлевшие эти ужасы. Даже на Украине, всегда считавшейся богатейшей житницей страны, тоже были голодающие, которых Ромен описывает со знанием дела: «Двое детей, лет десяти-двенадцати, были совершенно голыми. Прежде всего, в глаза бросался их огромный живот, как землистого цвета пузырь, затем, после этого волдыря, в поле зрения попадали ноги и грудная клетка, которые казались тонюсенькими и хрупкими, как у огромного насекомого» (МТА: 195). Это точное и повергающее в ужас описание лишено того сострадания, которое можно встретить, например, у П. Истрати, который тоже мог судить об этом только по

¹³ См. письмо переводчицы Людмилы Пастигер-Понской в: Stern L. *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40: From Red Square to the Left Bank*. London; New York: Routledge, 2007, p. 111.

¹⁴ См.: Борисов В.И. Комитеты бедноты юга России в системе продовольственной политики советской власти в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Брянского гос. ун-та. 2012. № 2-1. С. 47–50; Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010.

фотографиям из Саратовского музея Великого голода, из которого он вышел потрясенным до слез¹⁵.

Другим животрепещущим вопросом был нэп. Ромен считает его «военной хитростью» и паузой, которую взяли большевики для передышки, и подчеркивает цинизм их заявлений в прессе, где они обещают расстрелять тех, кто «больше всех обогатится» (МТА: 165). Казалось бы, это должно было встревожить кулаков, продолжающих думать, что переход к нэпу доказывает ошибку Ленина, которую тот отказывается открыто признать (МТА: 165). С точки зрения иностранных капиталистов, работающих в России, нэп – это двойная политика. Нэп для внутреннего употребления можно проиллюстрировать историей взломщиков, «которые проникают в дом пожилой дамы и запихивают ей в рот кляп, связывают ее... Но так как затем им не удастся найти ее кубышку, они вынимают кляп, чтобы она им указала место, ключи и все остальное» (МТА: 249). Нэп для внешнего употребления состоит в колониальном подходе: «Надо вспомнить менталитет людей, которые когда то высадились в Африке, в Индии... и имели дело с негритянскими вождями, <....> господствовавшими над обширным туземным населением» (МТА: 250). Возмущенный Жерфаньон думает: «Неужели правда на стороне этих молодчиков с их опытом, цинизмом, мерзкой философией? Ведь для нас величие революции заключалось в попытке одним махом освободить мир от их присутствия» (МТА: 253).

Следуя канонам травелога, Ромен воспроизводит типологию историй путешествий, которые он прочитал. Тогдашние путешественники не могли особенно выбирать, что посещать и с кем встречаться. Их программы пребывания в СССР разрабатывались с пропагандистскими целями в ВОКС, и можно найти множество совпадений в разных свидетельствах: места посещения, маршруты поездок, представители государства, с которыми были назначены встречи, – одни и те же. География путешествий отражена в заглавии репортажа А. Виоллис «От Каспия до Балтики»¹⁶. Путешественники часто описывают одинаковые сюжеты, интерпретация которых зависит от отношения к ним автора. Везде можно встретить описания посещаемых городов; прежде всего, это Москва, об улицах которой подробно и с восхищением пишут Л. Дюртен¹⁷ и иронично А. Фабр-Люс, отдающий себе отчет, что ему показывают «Москву для туристов»¹⁸. Путешествие на корабле по Волге тоже относилось к приоритетным направлениям.

¹⁵ Samios-Kazantzaki E. *La véritable tragédie de Panaït Istrati*. Paris: Lignes; Saint-Germain-la-Blanche-Herbe: IMEC, 2013, p. 51.

¹⁶ Viollis A. *Seule en Russie: de la Caspienne à la Baltique*. Paris: Gallimard, 1927.

¹⁷ Durtain L. *L'autre Europe: Moscou et sa foi*. Paris: Gallimard, 1928.

¹⁸ Fabre-Luce A. *Russie 1927*. Paris: Grasset, 1927.

воображаемое путешествие в страну советов жуля ромена

Поскольку Жале, который познает все негативные стороны пребывания в России (клопы, стукачество, убогое существование простых людей), посажен в тюрьму за тайную пересылку своей статьи в американскую газету, Москву посещают его друг Жерфаньон и его патрон – французский министр, приглашенный советским правительством с целью сближения двух стран. Им оказывают пышный прием и поселяют в «старинном особняке, который правительство... конфисковало и отдает в распоряжение почетных гостей» (МТА: 210), они ужинают в ресторане «Савой», куда ходят «американские воротилы» (МТА: 211). Они прекрасно понимают, что все это не имеет ничего общего с реальной жизнью, но предпочитают наслаждаться своим положением почетных гостей. Ромен иронизирует над гастрономическими и любовными слабостями французских политиков, которые легко поддаются пропагандистскому манипулированию. Помимо впечатлений героев от московской архитектуры, позволяющих Ромену предаться экфрастическим описаниям, дается представление о различных сторонах жизни москвичей. Читатели следуют маршрутами реальных путешественников: театр, завод или фабрика, школа и ясли, больницы, дома отдыха. Если в качестве эталона взять книгу Дюртена «Другая Европа», то среди обсуждаемых в ней тем мы найдем такие сюжеты, как государственный капитализм, положение интеллигенции, алкоголизм, школа, книги и их переводы; судьба писателей, театр, нравы, положение женщин и детей, коммунальные квартиры, бюрократия, противники режима, внешняя политика. Жерфаньон и французский министр посещают Большой театр, обсуждают достижения советского драматического искусства, осматривают завод «Динамо» и Трехгорную мануфактуру, встречаются с академиками, а для бесед об экономике видятся с Красиным и Богдановым.

Ромен не может обойтись без пространных рассуждений о русской литературе и об углубляющейся «пропасти между двумя культурами» (МТА: 304). Это становится темой беседы между Жерфаньоном, министром и неким советским поэтом Вяткаевым на набережной Нижнего Новгорода, с которой открывается великолепный вид на знаменитую ярмарку, столько раз описанную во французских травелогах.

Заключение, к которому вместе приходят и автор, и его персонажи, в конечном счете подводит читателя романа к мысли, что значение Октябрьской революции ограничено, что она «становится чисто русским делом» (МТА: 306).

Литература

Борисов В.И. Комитеты бедноты юга России в системе продовольственной политики советской власти в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Брянского гос. ун-та. 2012. № 2-1. С. 47–50.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

References

Borisov V.I. Komitety bednoty iuga Rossii v sisteme prodovol'stvennoi politiki sovetской vlasti v gody grazhdanskoi voiny. (1918–1920 gg.) [Poor Peasant's Committees in the South of Russia within the system of Soviet Food Policy during the Civil War, 1918–1920]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no 2-1, pp. 47–50. (In Russ.)

Cœuré S. *La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939)*. Paris: Seuil, 1999.

Cuisenier A. *Jules Romains et l'unanimisme*. Paris: Flammarion, 1935.

Kupferman F. *Au pays des Soviets: Le voyage français en Union soviétique, 1917–1939*. Paris: Gallimard, 1979.

Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle. Des écrivains témoins de leur temps: Jules Romain, Drieu La Rochelle, Aragon, Camus, Bernanos, Malraux*. Paris: Economica, 1999.

Orlov I.B. *Sovetskaia povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniia [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Its Formation]*. Moscow: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2010. (In Russ.)

Samios-Kazantzaki E. *La véritable tragédie de Panaït Istrati*. Paris: Lignes; Saint-Germain-la-Blanche-Herbe: IMEC, 2013.

Stern L. *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–40: From Red Square to the Left Bank*. London; New York: Routledge, 2007.

Дата поступления в редакцию: 29.06.2021

Дата публикации: 20.11.2021

Received: 29.06.2021

Published: 20.11.2021